

Отзыв официального оппонента, кандидата философских наук П.Б. Михайлова,
на диссертацию иеромонаха Луки (Филатова)
«Толкование псалмов и богослужебных текстов в духовном наследии преподобного
Амвросия Оптинского»,
представленную на соискание ученой степени кандидата богословия
в Ученый совет Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия

Представленная к защите на соискание ученой степени кандидата богословия диссертация иер. Луки Филатова являет собой развернутое авторское сочинение, обладающее признаками самостоятельного анализа экзегетического наследия преподобного Амвросия Оптинского. Предметом толкований оптинского старца, избранным для настоящего исследования, являются псалмы, а также богослужебные тексты. Автор мыслит себе толкование праздничных песнопений «продолжением библейской экзегезы в свете литургического предания Церкви» (с. 12); впрочем, это соображение не получает в работе необходимого обоснования.

Актуальность выбранной темы не вызывает сомнений — христианская экзегетика привлекает все более и более пристальный интерес исследователей, а продолжение древних святоотеческих традиций в лице близких к нам исторических святых Церкви — это важный вопрос преемства христианского Предания и продолжение дела Святых отцов. Однако, актуальность, сформулированная самим автором, не выглядит убедительно. На странице 5 читаем: «Актуальность данного исследования определяется значением духовного наследия Оптиной пустыни для истории богословской мысли», однако само это значение остается не раскрытым, а лишь заявленным. Стало быть, одно неизвестное определяется через другое неизвестное же.

Обзор и характеристика работы вынуждают сразу приступить к критическим замечаниям. Для удобства восприятия я группирую их по следующим позициям: 1) структура, 2) историография, 3) методология, 4) содержание

1) Замечания по структуре

Работа состоит из введения, семи основных глав, заключения, библиографического списка и приложения. Объем текста весьма значителен — он составляет около 14 (!) авторских листов, что соответствует почти двум кандидатским диссертациям согласно с принятыми в академической практике нормами. Однако это обстоятельство накладывает на автора особую, можно сказать, двойную ответственность за содержательную сторону работы. На деле оказывается, что структура работы перегружена. Ее вполне можно было бы упростить и значительно сократить. Кроме того, как уже было сказано, добавление предметной области толкований богослужебных текстов выглядит избыточно и малоубедительно. Этому сюжету посвящена последняя, седьмая глава, без которой работа ничего бы не потеряла, а напротив, приобрела бы в стройности и последовательности изложения и без того весьма обширного материала. Пятая глава, посвященная традициям толкования псалмов в аскетике, могла бы быть введена в первую главу. Ее обособленность нарушает логику исследования и искажает общую композицию. Шестая глава озаглавлена как «Толкование псалмов преп. Амвросием как вклад в православное богословие», однако ни в содержании

главы, ни в выводах объем понятия «православное богословие» никак не очерчен и вклад остается пустым словом.

2) *Замечания по историографии*

Основными источниками исследования служит трехтомник переписки прп. Амвросия, а также рукописные материалы, хранящиеся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки. Историографический обзор, называемый автором «степенью изученности темы» страдает неполнотой. Тема сформулирована для исследования относительно позднего автора на фоне древней традиции, а обзор ограничивается общей литературой, посвященной Оптиной пустыни. Но и эта часть не охвачена вполне. Автор оставляет без упоминаний не только издания на иностранных языках, как, например, монографию Ирины Пярт о русском старчестве — *Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy* (DeKalb, 2010), но и на русском, например, статью С.И. Фуделя «Оптинское издание аскетической литературы и семейство Киреевских» (в третьем томе собрания сочинений, М., 2005). И это при том, что библиографический список в работе весьма значителен; он состоит из почти 400 (!) наименований.

Странную характеристику автор дает монографии Варвары Викторовны Кашириной «Литературное наследие Оптиной пустыни» (2006): «...сложность задачи... не позволила автору совместить в одной работе полноту изложения материала с глубиной». Никаких замеров «глубины» автор не предлагает и потому его утверждение остается оценочным и, тем самым, неуважительным по отношению к труду одного из ведущих отечественных специалистов по оптинскому наследию.

В обзоре совершенно не учтена богатая исследовательская традиция, посвященная толкованиям Псалтири и псалмов в патристике. Отсутствует даже упоминание хрестоматийного двухтомного исследования Мари-Жозеф Рондо — *Rondeau M.-J. Les Commentaires patristiques du Psautier (IIIe-Ve siècles). Vol. I: Les travaux des Pères grecs et latins sur le Psautier. Recherches et bilan. Vol. II: Exégèse prosopologique et théologie. – Rome: Pontificium Institutum Studiorum Orientalium, 1982, 1985.*

Одной из важных библиографических позиций для исследования является доклад Евгения Михайловича Верещагина «Преп. Амвросий, великий старец оптинский, как толкователь церковных песнопений» // *Оптина пустынь: монастырь и русская культура. Материалы международного симпозиума в г. Бергамо (Италия), 19–23 апр. 1990 г. М., 1993. Вып. 1. С. 141–152.* Однако, эта важная работа в главе, посвященной толкованиям у прп. Амвросия богослужебных текстов, совершенно не используется.

3) *Замечания по методологии*

Цель работы сформулирована как процесс, а не предполагаемый результат — «изучение особенностей богословия прп. Амвросия Оптинского на примере толкования псалмов и богослужебных текстов» (с. 12), что не соответствует академическим нормам. Из знакомства с работой одной из целей работы, а возможно, ее главной целью оказывается обнаружение патристической рецепции у прп. Амвросия, или, словами самого автора «...показать... творческое восприятие прп. Амвросием святоотеческого наследия» (с. 124). Но в том-то и заключается

проблема, что автор по умолчанию предполагает, что оптинский старец, когда толковал псалмы, вдохновлялся не самим богодухновенным текстом, а патристическими толкованиями. Тем самым, творческий, духовный и богословский потенциал толкований прп. Амвросия заведомо ограничивается. Такая установка весьма проблематична, однако автором как таковая она не осознана и проблема, тем самым, не решена. Общая недисциплинированность и понятийная нечленораздельность настоящего научного исследования сказывается и в том отношении, что в заключении автор формулирует еще одну цель: «Целью нашей работы было показать богословские плоды духовного наследия оптинского старца» (с. 229).

4) Замечания по содержанию

Автору свойственно использование размытой терминологии, что значительно затрудняет знакомство с его текстом. Так, уже на первой странице введения он наряду именует жанрами такие области святоотеческой письменности как «аскетическую литературу» и «праздничные гомилии» (с. 4), тогда как раздел литературного наследия, никак не может быть жанром, но является родом для множества жанров. Без объяснений вводятся в текст такие понятия как «малая экзегеза» (там же). Что автор имеет в виду под этим, остается только догадываться. Там же автор упоминает «созерцательные монастыри» со ссылкой на «Пути русского богословия» прот. Георгия Флоровского, но без необходимых объяснений. Диссертант неоднократно использует выражение «классики библейской экзегезы» (с. 14); им же посвящена третья глава.

Первая глава — «Христианская экзегетика: основные исторические тенденции» — по замыслу особенно важна, однако автору не удается грамотно разработать обширный материал, поскольку он не опирается на существующую обширную исследовательскую литературу. Единственное исключение составляет монография Ольги Евгеньевны Нестеровой «*Allegoria pro typologia. Ориген и судьба иносказательных методов интерпретации Священного Писания в раннепатристическую эпоху*». — М.: ИМЛИ РАН, 2006. Другие исследования, если и упоминаются, то лишь в пересказе О.Е. Нестеровой. Даже двухтомник Иоанниса Панагопулоса, прекрасно изданный Перервинской семинарией, автором не используется. См. Панагопулос И. Толкование Священного Писания у Отцов Церкви. Первые три века и александрийская экзегетическая традиция до пятого века. Т. 1; Т. 2. М.: Перервинская ДС, 2013, 2015. Именно поэтому ответственная задача выявить «основные принципы христианской экзегетики» (с. 23) так и остается нерешенной. Метод, которым по умолчанию пользуется автор, представляет собой избирательный и поверхностный обзор некоторых патристических текстов. Исследовательский произвол проявляется также в том, что одни авторы рассматриваются, а о других диссертант умалчивает. Так, немало места уделено экзегетике Златоуста, но совершенно не упоминаются другие не менее заслуженные экзегеты — блаженный Феодорит Кирский или святитель Кирилл Александрийский. Впрочем, в других главах толкования Феодорита используются неоднократно (с. 108). В первой главе есть явно лишний параграф «Западная традиция экзегетики», материалы которой в основных главах вовсе не используются. В третьей главе автор пересказывает историю оптинских переводов и изданий преимущественно аскетических памятников христианской традиции, однако даже не упоминает вклад в это начинание И.В. Киреевского.

Заключение диссертационного исследования составлено без соответствия принятым академическим нормам. Оно должно содержать общие выводы и обзор достижений исследования, а также компактные раскрытия положений, выносимых на защиту. Вместе этого заключение состоит из неструктурированного набора конкретных наблюдений, содержащихся в основных главах.

Вывод

Итак, работа плохо задумана, реализована с большими упущениями в части методологии и вхождения в существующую научную традицию изучения как основного предмета (оптинское наследие), так и фонового контекста (патристическая экзегеза). И тем не менее, высказанные общие и частные замечания, при условии убедительных ответов диссертанта на них в ходе заседания Ученого совета, принимая во внимание его неформальный характер, не исключают возможности успешной защиты настоящей диссертации пер. Луки (Филатова), а ее автора не лишают оснований претендовать на искомую ученую степень кандидата богословия.

Официальный оппонент:

Доцент кафедры систематического богословия
и патрологии Богословского факультета
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета,
кандидат философских наук,
П.Б. Михайлов

127051 Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
locuspetri@rambler.ru

22 февраля 2018